

Александра Соколова

Опять не могу без тебя

Александра Соколова

Опять не могу без тебя

<https://litres.ru/74217948>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет назад Гилберт и Бруклин обещали себе, что сделают всё, чтобы исправить ошибки прошлого, и с тех пор работали не переставая.

Гилберт с детства мечтал стать писателем, а стал кинозвездой. Бруклин, известная актриса, всю жизнь считает себя хуже других. Они встретились на съёмках, а потом не захотели расстаться. Оказалось, что в новом и непонятном мире легче привыкать к переменам, когда у тебя есть друг.

А другом может стать кто угодно. Партнёр, которому доверяешь. Любимое дело, приносящее успехи. Прежняя мечта, вновь обретшая крылья. Книга, которая обладает способностью делать жизни людей лучше.

Но время идёт, и на дороге Бруклин и Гилберта появляются вопросы, которых раньше они избегали. Кто они - лучшие друзья или просто коллеги? Сколько продлится опасная, только им понятная игра, которую они согласились вести? Какую цену они готовы заплатить за свои секреты? И ждут ли хэппи-энда те, кто пишет счастливые книги?

Содержание

Глава 1. "Миллионы огней"	4
Глава 2. "Сердце в железе"	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александра Соколова

Опять не могу без тебя

Глава 1. "Миллионы огней"

У каждой истории есть три версии: ваша, чужая и истинная. Неизвестный автор

- Волнуешься?

- Да нет.

- Волнуешься! Будто я тебя не знаю.

- На себя посмотри. Ты столько раз переступила с ноги на ногу – люди сбегутся посмотреть, как ты танцуешь степ.

- Не страшно. Ты начнешь петь, и они сразу разбегутся.

Они нервно усмехнулись и машинально прижались друг к другу ближе. Не нужно было думать, чтобы продолжать притворяться. Но Гилберт был прав – сегодня играть на публику было не так просто, как обычно.

- Давай сосредоточимся, а то ведь у нас любовь, - Бруклин сделала глубокий вдох и вцепилась в его рубашку. – Надо срочно сказать что-то романтическое.

- Эмм... Мне приходит в голову только, как я рад, что скоро мы наконец пойдем ужинать. Я с утра ничего не ел.

Бруклин шутливо взъерошила ему волосы; со стороны выглядело, будто она гладит его по голове.

- Ты опять о еде, а вокруг такая ночь! Смотри, какая восхитительная ночь!

- О, эти романтические пейзажи, - забубнил Гилберт, подхватывая её экспромт. - Сейчас я поцелую твои волосы, и по твоему телу пробежит сладкий холодок наслаждения.

- Господи, какая безвкусица.

- Я глажу тебя по спине, и ты прижимаешься к моей груди, как к последнему пристанищу. Давай, ага. Повернись сюда и улыбайся, опуская счастливые взгляды, в которых сквозит сияющая гармония, испокон веков освещающая глаза влюблённой женщины.

- Гилберт, когда ты уже напишешь роман? Я скуплю тираж.

- Не сбивай меня с мысли, Брукс, я и сам собоюсь.

- Точно, извини. Значит, я вцепляюсь в твои волосы, стремясь утолить жажду...

- Обладания?

- Чего? Ой, так не бери, щекотно.

- Стремясь утолить жажду обладания. Так лучше звучит. Продолжай, продолжай скрести пальцами мою шею; я весь внимание.

- Ты смешишь меня; прекрати, я сейчас описаюсь.

- C'est romantique! Прижмись ко мне лбом и продолжай делать глубокий пилинг кожи своими ногтями... Слушай, в следующий раз подстриги их коротко - если ты опять вздумаешь так царапаться, я при всём честном народе буду уби-

вать тебя долго и нежно.

Смеясь, они поцеловались, и Бруклин глубоко вздохнула, когда Гилберт обнял её тем же отрешенным движением, что и сотни раз.

Была влажная, душистая майская ночь. Только что фильмы, где они играли, собрали на премьерах овации, неожиданные в первую очередь для них самих. Успех праздновали на веранде особняка, переделанного в элитный отель, и светящиеся гирлянды делали её похожим на остров. Где-то неподалеку бархатным шёпотом вздыхало море, и в его ропоте слышались чьи-то добрые надежды и полузабытая печаль.

Озябнув, Бруклин прижалась к Гилберту, и он привычно прислонился лбом к её плечу. Внутри легко было забыть о слежке, но стоило выбраться наружу, и сотни вспышек вновь ослепили их, заставляя ускорить слаженный шаг. Создавать видимость давно перестало быть для них лукавством. Торопливо пробираясь через привычный сверкающий обстрел, они крепко держались за руки, и каждый думал о своём.

Хлопнула дверь автомобиля, и Бруклин облегчённо выдохнула. Она не любила аэропорты. Было неуютно ощущать себя под прицелом в их шумной многолюдности, и она всегда радовалась, когда они с Гилбертом удачно преодолевали очередное расстояние и скрывались за тонированным стеклом.

Ещё чуть-чуть, и дома.

Бруклин и Гилберт никогда не отвечали прямо на вопрос, где они живут и вместе ли живут. По замыслу, надо было возводить глаза к небу и лукаво улыбаться; на деле же всегда получалось, что оба начинали говорить какую-то ерунду, неумело переводя тему. Пару лет назад, когда их первый совместный фильм неожиданно превратился из малобюджетного проекта в крупнейший успех мирового бокс-офиса, а обрушившаяся популярность стала секрет за секретом пожирать их личную жизнь, Бруклин с Гилбертом решили, что лучший способ управлять сплетней – это породить её. После первых закинутых приманок публика проглотила наживку вместе с удочкой, и с тех пор не только они сами, но всё их ближайшее окружение прозрачными намёками подпитывало иллюзию. Неважно было, что только что сценарий Гилберта заслужил особое упоминание жюри Каннского фестиваля, или что фильм с участием Бруклин получил номинацию на Пальмовую ветвь. Люди всё равно хотели знать в первую очередь, с кем они спят.

- Спать! Я клянусь, я отправлюсь спать прямо с порога, - проговорила Бруклин, с усилием поднимая тяжёлую голову. – Почему мне никто не говорил, что быть звездой кинофестиваля так утомительно? От всех этих вспышек у меня до сих пор в глазах рябит.

Гилберт повернулся, не сразу сфокусировав взгляд.

- В глазах у тебя рябит от передоза клубной светомузы-

ки, - не согласился он, и, присмотревшись, она увидела в его глазах отражение собственной усталости, умноженное раз в десять. – Ума не приложу, как ты на ногах стоишь ещё. Можно подумать, тебе пятнадцать лет и тебя в первый раз отпустили в клуб.

- Так это же был Каннский клуб, - протянула Бруклин, провожая взглядом знакомый указатель. До дома оставалось совсем немного. – Каннский фестиваль. Такой опыт бывает один раз в жизни!

- И что? Злачные места в остальных городах, которым ты выставляла высокие оценки, точно ничем не отличаются. Ночные клубы всего мира ужасно похожи друг на друга.

- Всё из-за того, что ты такой редкостный зануда, - вздохнула она, не желая говорить, что отчасти согласна с ним. Мировой кинофестиваль и успех – один из лучших предложений позволить себе веселье, которое чаще всего приходилось жёстко ограничивать. Почему ей так важны были места, создающие иллюзии беззаботности, она и сама уже не помнила – но каждый раз, когда они попадали в новый город, они с командой и Гилбертом обязательно делали злачную вылазку. За эту неделю спать и так почти не пришлось, и она снова переживала, что только напрасно потратила силы и время. – Злишься, потому что тебе не дали почитать в ночном клубе очередную книжку!

- Совершенно верно, - абсолютно серьёзно подтвердил Гилберт. – Что уж тут говорить о писать.

Чиркнув молнией рюкзака, он снова проверил, на месте ли компьютер. Каждый по-разному боролся с тревожностью. Бруклин дёргала ногой или грызла ногти – Гилберт проверял, не потерял ли он ноутбук. Компьютер был его святая святых; единственный раз, когда Бруклин видела его потерявшим душевное равновесие, был тогда, когда жёсткий диск отказался воспроизводить сохранённый накануне страшно ценный файл.

- Надеюсь, ты посвятишь свой роман мне, - хмыкнула Бруклин, собираясь на сиденье. Машина затормозила перед первыми воротами, и она с радостью увидела за забором знакомые пальмы. – «Для Бруклин, которая все пять лет только и делала, что отвлекала меня от нетленки и таскала по ночным клубам».

- Ты дошутишься, я реально так сделаю. «Для Бруклин, которая считает прожитым зря любой день, когда она не посчитает себя виноватой во всём на свете».

- Ну а что, скажешь, ты не жалуешься, что всё время отвлекаешься на что угодно, кроме своего романа?

- Поверь мне, я занимался этим задолго до нашего знакомства.

Посмеявшись, они опустили окна в машине, чтобы окончательно почувствовать, что приехали.

На их языке - а у них давно уже был свой язык, шифрующий личные шутки - их обиталище называлось "бункер". Весь мир должен был пребывать в уверенности, что они при-

обретают любовное гнездышко. На деле за высоким охраняемым забором расположилось целое мини-поселение, где они, их гости и ограниченный ряд доверенных лиц могли прекрасно существовать бок о бок и при этом порой неделями не видеть друг друга.

Когда у Гилберта было хорошее настроение, он заявлял, что купит себе детский паровозик, проложит по территории рельсы и будет приезжать к ней в гости по железной дороге, соединяя остановку "Мост Бруклин" с остановкой "Лондонский Тауэр". Шутка возникла неспроста: фамилия Гилберта была Тауэр и сразу указывала, что такой джентльмен мог быть родом только из Лондона. Полное имя Бруклин же могло указывать только на то, что её родители считали выбор имени дочери крайне удачной шуткой.

- Госпожа Бридж, добро пожаловать в родовое поместье, - пошутил Гилберт, преодолевая огромный зевок. Бруклин каждый раз боялась, что он проглотит свой кулак, так широко он умел зевать, когда ему не хватало сна – а сна ему всегда не хватало. Когда они въехали в ворота, напряжение слегка спало. Марш-броски по городу и аэропорту давались нелегко, тем более сейчас, когда после фестиваля и самолета хотелось скорее снять наконец все маски и разрешить себе быть собой. - В это прекрасное весеннее утро позвольте проводить вас по парадной лестнице в изысканную гостиную с гобеленами.

- Благодарю, Бэрримор, - шмыгнула носом Бруклин, за-

стегивая расстегнувшийся карман его куртки. У него в карманах всегда была куча страшно важных бумажек, смятых в один беспорядочный ком; потеря какого-нибудь клочка была равносильна апокалипсису. - Мы славно поработали.

- Точно, теперь можно и... отдыхать, - он на секунду задумался и сосредоточенно поморгал, и его рука инстинктивно легла на рюкзак, где был компьютер. Всегда, когда между съёмками и работой намечался пробел, Гилберт весь отдавался своему компьютеру. Она собиралась отдохнуть и всячески себя тешить; он будет работать каждый день их короткой передышки. - У меня такое впечатление, что этих недель я ждал бесконечно долго.

- Ты хотя бы спи иногда, а то потом снова будешь страдать от нон-стопа. Не хочу больше видеть, как ты валишься с ног на каких-нибудь ночных съёмках.

- Хорошо, мамочка, больше не увидишь. Я и сниматься-то больше не буду с тобой, не забывай. Лавочка прикрыта.

Это было правдой - после стольких лет постоянной работы вместе странно было сознавать, что скоро рабочие обязательства вовсе не будут их связывать.

Целоваться на прощание им было не нужно - вокруг никого не было, кроме проверенного годами водителя. Снова зевая, Гилберт коротко и легко пожал Бруклин руку.

Зевота у него была ужасно заразительная.

- Хочешь, приходи к нам на ужин сегодня? Тебе полезно будет прогуляться. Хоть поешь нормально. И проветришь

свой литературный мозг.

Раздумывая, Гилберт смешно вытянул губы трубочкой.

- До тебя далеко идти, - пошутил он капризно.

- Через пару часов приедет Бобби, так что я все равно тебя вызову. Он же наверняка соскучился по тебе гораздо больше, чем по мне.

- Да, это аргумент. Ты-то мне на фиг не нужна, а его я увижу с удовольствием, - кивнул Гилберт с улыбкой, открывая дверцу машины. - Ладно, валяй, вызывай меня вечером. Хотя постой, самое главное: а что у вас будет на ужин?

- Овсянка, сэр, - она легонько пнула его ногой, пока он вылезал - как всегда, неуклюже.

Они стояли у подъезда к его дому; её дом был ещё глубже, дальше от шоссе.

На их большой территории дома были небольшими, и Бруклин это нравилось. После детства, проведенного в материнском особняке с стеклянными залами для приёмов и двумя бильiardными в подвале, поймать чувство уюта в небольших комнатах было гораздо проще. Бруклин получала наслаждение от того, что всё здесь куплено на её деньги и может быть именно так, как она хочет. Только когда она стала жить самостоятельно, ей стало понятно, как бывает, когда никуда не хочется уходить из дома. Радоваться возвращению домой она тоже впервые начала только здесь – и с каждым разом заново наслаждалась этой радостью.

К её приезду в комнатах подняли ставни, и утреннее солн-

це мягко ложилось на тёплый пол. Суэта и напряжение последних недель были отсечены автоматическими воротами, отгораживающими их бункер от внешнего мира. Наслаждаясь тем, что в кое-веки можно не спешить, Бруклин хозяйским взглядом оглядела комнаты, радуясь ощущению дома, лениво покопалась в привезённом чемодане, долго смывала дорожную истому под горячим душем и наконец растянулась на постели, с наслаждением зарывшись головой в душистые подушки.

Ничего не могло сравниться с тем, как после долгих путешествий спалось дома, в собственной спальне.

Ничего не могло сравниться с тем, как проснуться от торопливого топота маленьких ног, деловито простучавших от самой двери.

- Мама. Мама, ты спишь? Мама, мы приехали!

Матрас подпрыгнул, и, моментально вынырнув из сна, Бруклин порывисто прижала к себе налетевшего на неё с разбега худенького мальчишку в джинсовом комбинезоне.

- Бобби. Ну наконец-то. Слава Богу, все дома.

- Мама, а ты мне привезла французский подарок? А я каждый день зачеркивал дни, чтобы ты скорее приехала. Нэнни говорила, что я хорошо себя вёл.

- Хорошо себя вёл? Да я и не сомневалась, - вдыхая сладкий аромат ребёнка, Бруклин жадно ловила прикосновения тёплых торопливых ладоней. Прижимаясь к ней всем телом, Бобби радостно смотрел на неё яркими большими глазами –

такими же зелёными, как у неё. — У меня целый чемодан для тебя. Расскажи, что ты делал, пока меня не было.

В дверях, по обыкновению укоризненно сложив руки, стояла Нэнни. Для Бруклин она была спасительницей, помощницей и главной воспитательницей — а теперь и воспитательницей её сына.

Нэнни улыбалась одновременно строго и ласково, наблюдая, как Бруклин и Бобби обнимаются и шумно возятся на постели, радуясь встрече.

С тем, что ждало её дома, не могла сравниться ни одна выдумка на свете.

Гилберт от всего сердца завидовал сказочному персонажу, которого ему пришлось играть пять фильмов подряд. Мужику нереально повезло. Не потому, конечно, что он сказочный принц или что ему обломился чуть ли не самый счастливый финал в истории мировой литературы. Не потому, что он останется вечно молодым, что ему не надо беспокоиться о счетах за медицинскую страховку или самочувствии пожилых родителей. Этот мужик мог не спать — он вообще никогда не спал. И тому факту, что ему не надо было тратить прорву времени на сон и на попытки его побороть, Гилберт завидовал чёрной, ненавидящей завистью.

Его жизнь была бы настолько проще, если бы он мог не спать.

Идиллически мирное утро по-хозяйски обосновалось в

его жилище. Каждый раз приходилось заново привыкать и долго переходить от кочевого образа жизни к существованию нормального человека. После длительных рабочих поездок он напоминал себе черепаху, которую вытащили из панциря, а потом положили с ним рядом; дескать, заползай обратно, детка, не стесняйся, чувствуй себя как дома. За то, чтобы растянуться сейчас в мягком гамаке у бассейна и провести пару дней в праздности, ничего от себя не требуя, можно было продать душу. Гилберт злобно пнул чемодан с одеждой — он послушно поехал на своих колесиках и обиженно затормозил, врезавшись в стену - и бережно положил рядом с изголовьем компьютер.

Вот как тут было не спать, когда каждая ресница словно бы весила по килограмму. В этом мире даже собственный дом действовал против него. От каждой вещи сквозило сладкой ленью, сонной истомой; вот ты и дома, дружок; иди к нам, расслабься, отпусти себя в мир безделья. Посиди бездумно, любуясь танцующей на бассейне солнечной рябью; лениво пожмурься приятным мыслям; растай в мягком одеяльном тепле и хотя бы немного разреши себе не делить свою жизнь на долги и обязательства перед самим собой.

Властные снопы солнца радостно врывались в пустые комнаты. Сознательно не допуская спешки, Гилберт бродил по дому и до предела поднимал ставни. Сегодня день приезда, значит, начинать нужно с завтра, высчитывал он. На предстоящие дни можно составить чёткий план, и работать имен-

но так, как он любит – не отвлекаясь на другие мысли, сложные задачи и дополнительные дела. Главное – не давать себе поблажек. Главное – не расслабляться и держать хватку.

И выспаться. Просто для того, чтобы продуктивно работать, хоть на четверть как-нибудь, но выспаться.

Зарываясь головой в душистую свежесть подушек, сложно было не благодарить судьбу за то, что иногда она дарила ему подобные моменты чистого, радостного покоя.

Гилберт с раннего детства знал, чего он хочет. Отчасти этим можно было гордиться. Сколько его приятелей и знакомых маялись неприкаянностью и с трудом нащупывали к тридцати годам дорожку, которая после многих проб и ошибок чудилась своей. Некоторые к этому времени успевали попробовать себя сразу в нескольких профессиях. Гилберт знал всё гораздо раньше и сознавал, что это редкое везение – точно знать, что ты хочешь. С одной стороны, это придавало уверенности – столько проблем и болезненных поисков он был лишён. А с другой стороны, это была ответственность. Ответственность нелёгкая и непростая – и даже не перед обществом, семьёй или кем-то там, а перед самим собой. Не так сложно было узнать, кто ты есть. Сложнее всего было доказать себе, что ты можешь быть тем, кем хочешь. Что ты достоин этого дела. Что ты готов работать на него, а не просто почивать на лаврах, кичась тем, что нашёл себя. Право быть собой настоящим тоже нужно было заслужить.

Гилберт очень надеялся, что когда-нибудь всё-таки его за-

служит.

Он проснулся всего через пару часов; вздрогнул и испугался какой-то очередной картинке, выплывшей из подсознания. Спать дальше очень хотелось, и солнце по-прежнему заливало комнату жарким ленивым уютом. Он так давно мечтал, что наступит эта минута, а сейчас слипающиеся глаза не давали даже как следует насладиться ею. Понежившись ещё совсем немного, Гилберт собрался с мыслями и стянул к себе в постель ноутбук.

Никто ведь никогда не обещал, что будет легко.

Глава 2. "Сердце в железе"

«Когда меня режут – я терплю. Но когда меня дополняют – становится невыносимо». «Тот самый Мюнхгаузен»

В Голливуд Гилберта привела любовь.

Фраза была удачной и нравилась агентам и журналистам. Хотя сам Гилберт до сих пор заново вздрагивал каждый раз, когда приходилось читать эту формулировку.

Уж он-то знал, что и его вечная любовь, и новоприобретенная слава, и имидж – всё это не стоило ровным счётом ничего. Ничего, что могло бы хоть как-то заставить его поменять приоритеты, которые так и остались прежними с тех пор, когда ещё ничего не случилось.

Гилберт научился писать в четыре года. Старших сестёр собирали в школу, и ему тоже подарили блокнот и красивую ручку с узором Британского флага на колпачке – это были его первые сокровища. Мама уехала в больницу за новой сестрёнкой, и он сидел в кабинете отца и написал ей письмо. Получилась своеобразная сказка о том, как мама бродила по лесу и по очереди находила на деревьях всех своих четверых детей, преодолевая козни врагов вроде лесных гномов, змей и тракторов (Гилберт в детстве очень боялся тракторов, потому что путал их с танками). Он писал печатными буквами, с силой вжимая в бумагу свою красивую ручку. Пришлось

истратить половину блокнота, пока история дошла до счастливого завершения; но удовлетворённое сознание, как много он написал, он запомнил на всю жизнь. Как запомнил на всю жизнь гордое чувство радости, когда мама с новой сестрёнкой вернулась домой и сказала, что ей очень понравилось его письмо, и она непременно сохранит его. Как не мог забыть и той обиды, которая охватила его, когда мама читала его письмо папе, и папа помирал со смеху.

В ту минуту он раз и навсегда понял чуть ли не самую главную вещь про себя самого.

Он хотел стать писателем.

То есть, конечно, увлечений было море. Коллекционные динозавры, мультики, игровые приставки, игры с друзьями, кружок журналистики, группа любителей кино, театральная студия. Жить вообще было интересно, и он жил полно, жадно - потому что чем большими вещами он занимался, чем больше видел и знал, тем лучше мог написать об этом. А это было самое главное; всё остальное было увлечением, а тексты были основанием и объяснением для всего. Какой интерес, например, смотреть мультфильм, не придумывая альтернативного развития сюжета? Как можно, например, читать книгу, не примеряя на себя - сможешь ты написать так же, лучше, или играешь в другой лиге?

В школе он писал сочинения за всех своих друзей, и на важные контрольные образовывались очереди, которые организованно передавали ему свои варианты. Эти же друзья

ненавидели ходить с ним в кино, потому что он всегда громко возмущался надуманными сюжетными поворотами и на ходу придумывал, как было бы лучше решить ту или иную сцену. Фильм сразу переставал нравиться, потому что его идеи часто были выигрышней, чем то, что показывали на экране.

Когда в десять лет из-за глупой ветрянки его не отпустили на каникулы в Диснейленд, он знал, чем может возместить свою обиду. По одной таская все десять больших тетрадок из стола старшей сестры, он писал сказочную повесть.

Когда в четырнадцать лет он впервые влюбился в девушку, а она стала встречаться с его лучшим другом, он знал, как пережить это разочарование. Начиная каждую главу с печальной элегии, он посвящал ей свой роман.

Когда в восемнадцать лет он окончил школу, переехал с приятелем в Лондон и вкусил по полной все прелести самостоятельной жизни, он знал, как окончательно не сорваться в пропасть кружащей голову молодости.

Он должен был накопить на колледж, чтобы стать писателем.

О своём колледже он мечтал давно. И не только мечтал, а уверенно наметил своей целью. К выбору Гилберт подошел основательно. Мама вообще говорила, что он обстоятельный мальчик, правда, слишком увлекающийся. Ещё в средней школе он подробно изучил все требования, программу и стоимость обучения, в старшей школе уже начал отклады-

вать карманные деньги, а работу на год после школы выбирал так, чтобы скорее собрать требуемую сумму. Он знал, что нужно сделать, чтобы добиться цели, и продумал себе чёткую схему её достижения. Писатель – это книги, книги – это образование, образование – это колледж, внушали ему всю жизнь. В семье директора средней школы и учительницы младших классов образование ценилось едва ли не больше всего остального. Гилберту нужно было стать писателем, а писатель непременно должен быть образован; значит, колледж был ему необходим.

По крайней мере, поначалу он был в этом совершенно уверен.

Поэтому он поднимался по утрам и шёл на подработку поваром в школьной столовой; поэтому он работал барменом в пабе, где тусовались его друзья; поэтому он писал по заказу идиотские тексты из серии «лондонские семиклассники устроили в учительской задымление, объевшись капустой». Поэтому он продавал билеты, расклеивал афиши, таскал кофры и гладил костюмы в родной театральной студии, в которую с лёгкой материнской руки записался когда-то на волне той самой несчастной любви. Необходимый минимум финансов тратился на весьма несбалансированное питание, разнообразные напитки (от восьми градусов и выше), билеты в кино (в надежде найти фильм, где не нужно будет исправлять сценарий, Гилберт мог бегать в кинотеатр хоть семь раз в неделю) и на крысятник (так они с другом любя называ-

ли свою угловую квартиру с крохотными окнами, поэтично выходящими на морг при многопрофильной больнице). Он бегал с места на место, не досыпал, уставал, но знал, что гонка временная, а усилия оправданы. Это была эпоха осознанного веселья, и когда он знал, что сегодня заработал всё, что мог, он позволял себе развлекаться свободно и бездумно. Это была эпоха отложенного на неопределенное время счастливого «потом», мечтать и обсуждать которое было так приятно, приходя после рабочей смены к лениво встречающим рассвет приятелям. «Налейте работничку умственного фронта, мастеру фаст-фуда и креатива!» - кричал Стивен, его лучший друг и сосед по крысятнику – и Сэм, другой их одноклассник, живший поблизости, спешил вытащить из холодильника ещё пару запотевших бутылок пива. «Пей, Гилберт, - смеялись друзья и хлопали его по спине, - не дай засохнуть лучшему мозгу современной литературы».

И ему было хорошо. Он знал, что настоящее приятно, хоть и не всегда легко, и что всё ещё впереди; и это впереди у него, конечно, будет удачным.

А главное – что пусть сейчас и нет времени, но те тексты, которые приходят к нему по ночам и медленно, но непрерывно копят в тетрадах и памяти компьютера, непременно дождутся своего часа. Он поступит в колледж, получит необходимое для писателя образование – и его истории, которые возникали будто из ниоткуда, его герои, с каждым отвоёванным у гонки днём всё более живые, все его тексты,

которые копились и клокотали внутри, наконец-то станут по праву главными в его жизни.

Это было его мечтой, его целью, его будущим. Он готовился к нему и радовался, что делает всё, чтобы добиться его. И даже то, что времени на творчество всегда не хватало, и то, что писать означало постоянно ограничивать себя, ставить себе условия и не давать расслабляться, тоже ощущалось радостью. Ничто не могло сравниться с тем, как, добравшись после долгих часов суетливых подработок до крысятника, он сел и читал текст, свой собственный текст, написанный накануне ценой бессонной ночи – *и этот текст ему нравился.*

Через год он накопил на колледж, дошел до цели, выполнил поставленную задачу.

Оставалось ждать, пока исполнится мечта.

Гилберт был готов во всеоружии встретить её исполнение. Весь мир лежал у него ног. Он был юн (хоть иногда и казался себе стариком в свои девятнадцать), образован (уже посетил две лекции), богат (от накоплений осталась чуть ли не сотня фунтов) и неотразим (сёстры подарили каждая по набору дезодорант+крем для бритья; лучше для мужчины нет). Будущее представлялось не просто светлым, а просто-таки радужным. Он уже видел себя успешным студентом, благополучно сочетающим учёбу, работу и молодость, а через несколько – совсем немного – лет у него будет собственный кабинет, стеллажи, наполненные огромными томами с золо-

тым тиснением, и сотни желторотых юнцов будут осаждать его порог, чтобы получить рекомендации и положить свою рукопись на стол его секретарши...

Хотя нет, зачем ему секретарша. Он сам будет читать все их рукописи - для него нет ничего проще, чем отличить хороший текст от плохого. Хорошие книги он будет читать в рабочее время, положив ноги на стол и с умным видом поправляя очки. Слабые тексты будет безжалостно редактировать, улучшать сотней своих блестящих идей и издавать в соавторстве. Все остальное время он будет сидеть и писать сам, не отвечая на звонки и стук в дверь. "Профессор Тауэр очень занят - он пишет книгу", - будут говорить о нём на кафедре. А разве иначе выглядит жизнь профессоров мировой литературы?

А потом время всё шло, и взрослая реальность оказалась на мечту совсем не похожей.

«Наша профессия поддается только тем, кто по-настоящему любит книги» - говорили на вводных лекциях по специальности, и Гилберт думал - «я на месте». Он читал так много, что поиски новых книг со временем стали для него постоянной нерешаемой задачей, а крысятник Стивен называл «филиалом городской библиотеки», потому что там, где был Гилберт, неизменно появлялись книги, запрятанные в самых неожиданных местах. Он читал всё, что попадалось на глаза, вёл собственные классификации книг и дневник, в котором годами записывал свои впечатления от прочитанного. «Вот

готовый исследователь!» - сказал ему куратор, когда Гилберт рассказал об этом, и он подумал: «я на месте».

«Я на месте», думал Гилберт и вспоминал, как стремился попасть в эти стены, чтобы поскорее заняться своими текстами. «Я на месте», повторял он про себя так часто, что не сразу осознал, что ни разу так и не почувствовал ничего, кроме прежнего ожидания.

Все книги, входившие в обязательный список, Гилберт прочитал ещё в школе. Когда он предлагал рассмотреть другую книгу, приводил пример из произведения вне программы, пытался мыслить независимо от преподавателей – его возвращали на накатанные рельсы и говорили не изобретать велосипед. Всё интересное, что он узнавал, он находил в чём-то дополнительном или внепрограммном. Всё, что преподаватели с умным видом подолгу разжёвывали на занятиях, казалось ему совершенно очевидным.

Сначала он всё думал, что разочарование временно. С этим курсом не повезло. А может, надо попробовать ходить с параллельным потоком, к другому преподавателю, хотя и он тоже говорит сложными словами о простых вещах, а об интересном лишь упоминает вскользь. С тем предметом тоже как-то не ясно, но это вводный, надо подождать. Там - наоборот, всё понятно - идиот вдальбливает идиотам, как превращать других в идиотов. Это просто учебный план.

Вот сейчас пройдёт первый год, и дальше будет интересно, говорил себе Гилберт, снова с недоумением закрывая в

конце лекции едва ли тронутую тетрадь. Вот сейчас закончатся общие курсы "в нагрузку", и пойдет, наконец, настоящее дело – то, ради которого он сюда поступал.

Он честно ждал – пока не понял, что может прождать так всю жизнь.

Он ошибся с колледжем. Ошибся со специальностью. Ошибся, кажется, даже с самым главным, что у него было.

Колледж не был необходим, чтобы стать писателем. Колледж давал образование, но применить его можно было совсем не там, куда Гилберт стремился. И отступать было некуда. Работа на будущее закончилась; теперь надо было работать на настоящее. Он ходил на пары, слушал профессоров, пытался заставить себя думать, как от него требовали, и искал что-то, что нашло бы в нём отклик – хотя бы отголосок прежней восторженности.

Но что-то ломалось в нём, когда он пытался воспринимать всерьёз все эти лекции, где почти всё, что говорилось, Гилберт давно уже прочёл и усвоил сам. И когда старался воспринимать всерьёз людей, которые его окружали. Всех этих странных девочек, которые были либо слишком умными, либо слишком глупыми, либо вызывали странное ощущение, что кто-то из вас идиот; всех этих немногочисленных ребят, с которыми никогда не получалось найти общие темы для разговора или хотя бы посмеяться над какой-нибудь шуткой. Всех этих преподавателей, которые были так заняты тем, что хотели навязать другим свою точку зрения, что совершенно

разучились слушать кого-то, кроме себя.

Что-то ломалось, и это что-то было серьёзным. Чем больше он заставлял себя погружаться в изучение теории чужих книг, тем меньше у него получалось писать свои.

С тех пор, как он поступил в колледж, он не смог закончить ни одного текста.

"Ненадежным рассказчиком называется приём в литературе"... записывал он прилежно, а потом рука срывалась, и вместо научных терминов пытался написать что-то ещё — но ничего не выходило. Только странные, неровные фразы, неумелые, как у трёхлетки. Иногда абзацы. Кусочки. Ключки. Он напоминал себе баллончик взбитых сливок, где сливок осталось только на доньшке. Не получался ни один текст, даже если он отменял все дела и сидел выходные напролет над чистой страницей. Создать хоть что-то стоящее не выходило. Гилберт заставлял себя, наказывал, лишал себя любимых удовольствий, подкупал, злился до красных пятен в глазах или на холодную голову пытался расставить все по местам и начать сначала.

Но ничего не получалось. Тексты не складывались. Герои больше не были живыми. Самые простые сюжеты разваливались, как песочные замки. С каждым днём ощущение собственного бессилия становилось всё крепче. Сначала Гилберт пытался оправдывать его, потом пришел в ужас, лихорадочно начал искать хоть какое-то средство, способ победить непонятно откуда взявшуюся немоту. Ничего так и не

помогло. Колледж, на который он так рассчитывал, не мог помочь ему стать писателем. Стоило Гилберту начать учиться, он вообще не мог больше ничего писать.

Но бросить учёбу было нельзя. Отказаться от мечты означало бы поставить новую; пришлось бы искать новую профессию, зарабатывать на новую учёбу, а Гилберт не видел себя никем, кроме того, кем мечтал быть с детства. В колледже были книги – и они единственные держали его в рядах студентов. Даже тогда, когда он никак не соглашался смириться с тем, что имена на обложках всегда чужие.

По инерции он учился, продолжал работать, и по-прежнему жил в режиме нон-стопа – хоть выделять время для главного теперь было бесполезно и очень грустно. В школе вместо столовой он вёл теперь кружок любителей литературы, и ученики любили его, а он изо всех сил старался не быть похожим на своих преподавателей с факультета. В редакции ему всё чаще стали доверять писать обзорные статьи и большие авторские тексты – и почему-то их писать получалось, а его собственные, главные – нет. В большом литературном агентстве он подрабатывал курьером; и все эти несерьёзные работы почему-то нравились ему больше, чем пары, на которые он ходил. А больше всего ему нравился его театр. Он так и не ушёл из него, хотя много раз собирался. Так и ездил через полгорода, как когда-то в школе, и всё чаще ловил себя на мысли, как ему там нравится.

Да, он прекрасно отдавал себе отчёт, что из всех его увле-

чений именно это наиболее полно отдаёт абсурдом. С его неуклюжестью, неумением уделять должное внимание одежде и внешнему виду; с его органической любовью к справедливости и отсутствием всякой пробивной силы — ему не стать востребованным актёром. Но Гилберту нравилось играть в театре, нравилось работать в нём и даже просто проводить время. Он всей душой любил душный полумрак неосвещённого зала во время репетиций, нервную гонку генеральных прогонов; любил раздумывать над эмоциями своих персонажей и наблюдать, как меняются в гримёрных девочки, превращаясь из пацанят в джинсах в сказочных принцесс. Он вертелся в их театре, даже когда не было особой необходимости. Переживал свободные часы между работами, чтобы не ехать на перекладных в крысятник, прогуливал лекции, когда не вмоготу становилось ждать, когда же на них скажут хоть что-то интересное. По сравнению с колледжем в театре не было ощущения, что из тебя медленно выкачивают всё, что ты умел, чтобы заменить это тёмной концентрированной кислотой, ползущей вместе с кровью по венам. Его не пытались переделать там — он был тем, кем был, неуклюжим, похмельным, хронически уставшим от бессонных ночей, разочарований и беготни с места на место. Но в театре, в отличие от текстов, у него получалось хоть что-то создать.

В колледже рассказывали что-то, о чём он уже знал — Гилберт набрасывал в тетради план сценария для новой постановки, чтобы обсудить его с режиссёром. В колледже

вновь толкали сомнительные догмы под видом научных открытий — Гилберт придумывал новый этюд, высмеивающий самолюбование преподавателя и его неспособность выглянуть из собственных шор. В колледже снова пытались заставить его отказаться от мечты о творчестве, которую он лелеял — Гилберт собирал исписанные клочками абзацев тетради и молча уходил с семинара, чтобы помочь подготовить декорации на вечер. В театре он вообще брался за всё, что можно; режиссёр уже называл его «гном, который живет за сценой». Когда Гилберт обсуждал с ним, как можно перешить старые костюмы, или помогал на прогонах осветителем, или репетировал роль помидора в массовке детского спектакля — почему-то ему не казалось, что он бездарно теряет время.

А время бежало слишком быстро. Он оглянуться не успел, как прошло три года, а он ни на йоту не приблизился к тому, что хотел.

Когда вдруг — неожиданно и, как правило, очень редко — выдавалось свободное, ничем не занятое время, Гилберт старался проводить его дома, в их со Стивеном захламленном логове. С определенного момента Стивен то и дело приводил туда девушку; что искренне удивляло Гилберта, только одну. Давно потерявший счёт своим любовным победам Стивен неожиданно перестал видеть всех, кроме своей Эммы; на взгляд Гилберта, девушки не особенно примечательной. Однако в ней было что-то такое странно лёгкое, домашнее и уютное; когда она оставалась в крысятнике на ночь, не со-

здавалось впечатление, что в доме ночует чужой. Гилберт давно уже относился к Эмме как к не переменному приложению к Стивену, и ему нравилось наблюдать за ними вдвоём. Смешные и одинаковые, они всё время хихикали над чем-то непонятным, и в этом была странная гармония, казавшаяся ему настоящей.

Крысятник часто стал напоминать ему об этой гармонии. Особенно в редкие дни, когда он попадал туда засветло, и свет можно было не зажигать даже в своей комнате. Можно было на чуть-чуть забыть, что живешь в вечной гонке, и твоя гонка по-прежнему ничего не приносит. Можно было понаблюдать, как ленивый луч вечернего солнца ползёт по стене напротив постели, понаслаждаться такими редкими минутами неторопливости, которые ценят только люди, живущие на бегу. Именно тогда в крысятнике ему приходили мысли о том, что когда-нибудь и у него тоже будет гармония. Смешливая, внутренняя и настоящая; как у Эммы со Стивеном. Когда он будет писать в своем кабинете, а его – девушка? Жена? Спутница? – неслышными шагами будет подходить и заглядывать через плечо в его рукопись, положив руки ему на плечи. Она будет его первым читателем, первым редактором и критиком, а он будет радоваться, когда ей будут нравиться его тексты. За ужином он будет делиться с ней новыми замыслами, а она будет внимательно слушать, рассказывая ему какие-то истории про своих подруг, которые он тоже возьмёт себе на вооружение; и почему-то ему будет интерес-

но слушать её истории и просто так, без видимой пользы. А ещё они тоже будут такими же одинаковыми в глазах других, и такое же ощущение уюта будет охватывать его, когда она будет дома.

Где ещё было мечт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.